

Munich Personal RePEc Archive

Problems of self-government in the light of the theory of self-organization

Kaluzhsky, Mikhail

Financial University under the Government of the Russian
Federation, Omsk State Technical University

1997

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/58224/>
MPRA Paper No. 58224, posted 01 Sep 2014 08:54 UTC

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ

Калужский М.Л.

Финансовый университет при Правительстве РФ

PROBLEMS OF SELF-GOVERNMENT IN THE LIGHT OF THE THEORY OF SELF-ORGANIZATION

Kaluzhsky M.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация: Статья о системной сущности социальных противоречий между обществом и властью неизбежно возникающих на уровне муниципального управления. На основе наследия В. Парето и теории самоорганизации И. Пригожина автор анализирует глубинные проблемы формирования гражданского общества в России.

Ключевые слова: общая теория систем, системный подход, социальная система, социальные коммуникации, маркетинговые исследования, социологические исследования, пропаганда, контент-анализ, СМИ, социально-экономическая реформа.

Annotation: Article about system essence of social contradictions between a society and the power inevitably arising at level of municipal management. On the basis of V. Pareto heritage and the theory of self-organising of I. Prigozhin the author analyzes deep problems of formation of a civil society in Russia.

Keywords: general systems theory, systems approach, the social system, social communication, marketing research, case studies, promotion, content analysis, mass-media, social and economic reform.

Эпоха так называемой "перестройки" обернулась очередным разочарованием населения в обещанном светлом рыночном завтра. Горькое признание Виктора Черномырдина "хотим как лучше, а получается как всегда" стало уже, наряду с горбачевским "углубить", крылатой фразой. И, в самом деле, проблема несоответствия желаемого и действительного по-прежнему ждет своего решения: и жизнь не становится легче, и власть не стала нравственной, и долгожданная демократизация не вызывает былого энтузиазма. Перед обществом сегодня стоит единственный больной вопрос "Почему?". Или, говоря более развернуто, где то неуловимое "нечто", которое позволит перейти наконец-то от чистой теории к повседневной практике.

В связи с этим хочется обратиться к наследию замечательного итальянского экономиста и социолога Вильфредо Парето. И, если экономические его выкладки уже успели стать неотъемлемой частью современной экономической теории, то социальная теория Парето, как и прежде, остается погребенной под горами трудов апологетов всепобеждающего учения Маркса и Энгельса.

Разумеется, нельзя утверждать, что рассуждения Парето о природе социальных отношений в обществе в полной мере отражают реальную ситуацию. Однако, его вывод о взаимосвязи социальных, политических и экономических процессов, а также о необходимости системного подхода к комплексному рассмотрению этих явлений заслуживает самого серьезного внимания.

В своих работах Парето абстрагируется от псевдонаучного разделение общества по признаку активности различных социальных слоев: пролетариата и буржуазии, патриотов и жидомасонов или даже технократов и партукратов. Он рассматривает общество как целостную социально-политико-экономическую (а можно добавить еще и историко-культурную) систему, находящуюся в состоянии динамического равновесия. Причем, равновесие обеспечивается, помимо количества имеющихся ресурсов разного рода (вы-

ступающих в роли пассивных факторов), еще и за счет взаимно компенсирующихся антагонистических устремлений различных групп социальных "элит".

Желания и субъективные устремления основной массы населения, с точки зрения Парето, используются немногочисленными элитами в качестве инструмента в борьбе за власть. Отсюда и вывод: подлинная борьба за власть сводится не столько к социальным или идеологическим устремлениям представителей элит, сколько отражает противоборство между самими элитами за обладание властью.

Таким образом, по Парето, социальная борьба будет иметь место не только в капиталистическом, но даже и в полностью коллективистском обществе. Следовательно, всякое представление о бесклассовом обществе – есть иллюзия, не имеющая ничего общего с реальностью.

Вильфредо Парето почему-то принято считать убежденным макиавеллистом. В вину ему ставятся его утверждения о необходимости разделения общества на массы и правителей, признание насилия и обмана неотъемлемыми качествами всех правителей, высказывания о неизбежной нравственной деградации политических институтов общества и многое другое.

По-видимому, здесь определенную роль сыграл ужасно крамольный вывод Парето о том, что в равновесных условиях политическая активность неизбежно ограничивается взаимодействием группировок политических элит, тогда как основная масса населения остается инертной даже при самой демократической форме правления.

Хотя, то утверждение, что все современные концепции общественного устройства (будь то социальные, экономические или же какие-либо иные теории) в одинаковой степени отличаются однобокостью узкоспециализированного подхода к рассмотрению общественных процессов, думается, вряд ли может вызвать серьезные возражения.

И тут неважно, обосновываются ли экономические явления воздействием социальных сдвигов в обществе или же наоборот, утверждается приоритет экономики над социальной политикой. Главная беда здесь – это отсутствие единой концепции общественного устройства, в которую могли бы органично вписаться даже такие, казалось статичные и малозаметные проявления общественного бытия, как развитие медицины и образования или, к примеру, национально-культурные особенности регионов.

Подлинный переворот в общественном знании, вызвавший повышенный интерес к работам В.Парето, произошел уже в наши дни в связи с фундаментальными открытиями величайшего бельгийского ученого, лауреата Нобелевской премии 1976 года, Ильи Романовича Пригожина.

Величайшая заслуга Пригожина состоит в том, что ему удалось создать целостную картину мироздания, основанную не на вычленении отдельных процессов из общего целого, но на рассмотрении реальной взаимосвязи самых различных явлений – начиная с чисто физических процессов в природе и заканчивая сложнейшими взаимодействиями внутри социальной структуры общества.

Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что переворот в науке, совершенный Пригожиным, сравним по значимости разве что с открытием Периодической системы или с работами Николая Коперника. Особенность пригожинского системного подхода заключается в том, что большинство систем рассматривается им в качестве систем с той или иной степенью открытости; а посему к ним не могут быть применены жесткие схемы, требующие изолированного рассмотрения действующих факторов.

Таким образом, к числу открытых систем, без сомнения, принадлежат все биологические, социальные и экономические системы. А из этого следует, что всякая попытка понять их в рамках механистических моделей, где сигнал на входе системы вызывает сопоставимый по силе сигнал на выходе, заведомо обречена на неудачу. Да и В. Парето еще в начале нашего века отмечал, что просто для того, чтобы математически описать экономические взаимоотношения 100 человек, обменивающихся 700 товарами, потребовалось бы

более 60000 уравнений; не говоря уже о чисто социальных процессах – где сами системы отсчета факторов не позволяют этого сделать.

Если же воспользоваться терминологией пригожинской школы, то можно отметить, что:

1) все общественные системы состоят из некоторого (достаточно условного) континуума участников, которые входят в них в качестве подсистем, определяя их поведение. Тогда как сами системы являются подсистемами каких-то более крупных надсистем.

2) поскольку общественные процессы принято рассматривать с различных субъективных точек зрения (экономики, социологии, истории и т.д.), то выбранная при этом система отсчета настолько полно отражает реальное положение дел, насколько полно учитываются в ней влияния действующих факторов;

3) по степени открытости все системы можно разделить на три условные группы – открытые, закрытые и замкнутые. При этом следует говорить лишь о сравнительной открытости общественных систем для внешних воздействий в зависимости от избранной нами системы отсчета факторов. Так, скажем, слабый возглас "Пожар!" в зрительном зале театра может вызвать куда более сильную реакцию, нежели самая лучшая игра актеров.

4) по признаку устойчивости систем выделяются три основных их состояния – равновесное, слабо неравновесное и сильно неравновесное. Под влиянием естественной энтропии системы переходят из одного состояния в другое, и в этом заключается объяснение, например, экономических циклов.

Отсюда следует, что в каждом отдельном случае поведение системы должно подчиняться совершенно особым закономерностям – в зависимости от того состояния, в котором система находится в конкретный момент времени.

Если взять общественную систему замкнутого типа (пример – места не столь отдаленные), то она объективно может находиться только в равновесном состоянии, т.е. имеет лишь одну степень свободы. Закрытая система (вроде плановой экономики) может быть еще и слабо неравновесной, т.е. обладает уже двумя степенями свободы. В то время, как открытый социум, соответственно может находиться в любом из трех состояний, т.е. обладает всеми тремя степенями свободы.

Одним из важнейших выводов Пригожина заключается в том, что наиболее естественным состоянием для любой системы является состояние открытости во внешней среде. Если при этом принять во внимание еще и термодинамическую основу всех процессов в природе и обществе (а это уже тема для отдельного разговора), то становится ясна и теорема о минимуме производства энтропии, которая гласит:

ТО ВЫДЕЛЕННОЕ СТАЦИОНАРНОЕ СОСТОЯНИЕ, К КОТОРОМУ СТРЕМИТСЯ СИСТЕМА, ОТЛИЧАЕТСЯ ТЕМ, ЧТО В НЕМ ПЕРЕНОС ЭНТРОПИИ В ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ НАСТОЛЬКО МАЛ, НАСКОЛЬКО ЭТО ПОЗВОЛЯЮТ НАЛОЖЕННЫЕ НА СИСТЕМУ ГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ.

Иначе говоря, состояние относительного равновесия характерно для любого типа систем, поскольку оно является неперенным условием их существования. Причем, по мере увеличения открытости системы, возрастает и степень ее соответствия условиям окружающей среды.

Отсюда следует, что, поскольку системы приспосабливаются к внешним условиям ровно настолько, насколько это делают входящие в них подсистемы, а закрытость систем ведет к несоответствию их структур требованиям окружающей среды (надсистемы), то совершенно очевидно, что неизбежной кульминацией любой системной закрытости будет явление бифуркации. При этом система, будучи не в состоянии погасить нарастающие друг на друга противоречия, разрушается и переходит на качественно иной (более высокий или низкий) уровень самоорганизации.

Если же возвратиться к социальной теории Парето, то его выводы о цикличности социальных процессов в обществе, когда всякая новая властная верхушка с течением времени неизбежно деградирует и уступает место новой социальной элите, приобретают совер-

шенно иной глубинный смысл, если мы начнем рассматривать политическую борьбу в терминах флуктуаций, положительных обратных связей, бифуркаций и прочих элементов концептуального лексикона школы Пригожина.

Тут-то мы и приближаемся вплотную к ответу на основной вопрос современной российской действительности – в чем же все-таки причина низкой эффективности наших реформ? А причина простая и сложная одновременно.

А причина простая и сложная одновременная. Все дело в том, что только поменять условия игры явно недостаточно. Необходимо еще и научить игроков на этих новых условиях играть. Иначе те игроки, которые прежде других освоят подчас такие несовершенные правила, заранее обеспечат себе безоговорочную победу и никакой игры не получится. Тем более, если эти “лидеры” сами вдруг вздумают изменять правила по своему усмотрению.

Объяснение такой ситуации заключается в следующем: любая попытка локально воспрепятствовать свободному обмену энергией (финансами, товарами, информацией) в открытой системе неизбежно вызывает приспособительную реакцию ее подсистем к новым “граничным условиям”. Вопрос лишь в том, насколько такие условия согласуются с равновесным показателем для всей надсистемы. Из этого не следует, однако, что развитие любой системы обязательно будет направлено в сторону нарастающего окостенения и накопления противоречий, как писал об этом В. Парето.

В сложных системах при любом раскладе такая адаптация обеспечивается за счет имеющихся свободных ресурсов (уровня подготовки, технологической гибкости, финансовых возможностей, коммуникативных связей и многого другого). Открытая система потому и называется открытой, что она приспособляется в первую очередь за счет адаптации своих подсистем к внешним условиям в надсистеме.

Если же, вместо помощи в адаптации подсистемам, проводить политику на искусственное изъятие ресурсов, тогда, конечно, наступит либо обескровливание подсистем (а, соответственно, и самой системы), либо начнется процесс их интеграции в вертикальную структуру (т.е. к открытости). Эволюционирование при этом происходит от открытой системы в равновесном состоянии к закрытой системе в слабо неравновесном состоянии и далее по направлению к замкнутости и общему взрыву (“точке бифуркации”) в полном соответствии с выводами Парето.

Именно способность противостоять подобному развитию событий и является подлинным показателем конкурентоспособности любой социальной, политической, экономической и какой хотите системы. На первый план здесь выступает способность системы к прогрессирующей самоорганизации, т.е. к своевременному приведению подсистем в соответствие с изменениями внешних условий и поддержанию максимально возможной открытости структуры к внешним влияниям. Для управления экономическими процессами такая концепция была разработана еще в 1970-х годах известным западным теоретиком менеджмента Игорем Ансоффом. Она получила название “теории управления по слабым сигналам”.

Если же обратиться непосредственно к проблемам общественного самоуправления, то и тут открытость будет заключаться в формировании структуры управления и контроля снизу и только снизу. Так как состояние подсистем определяет состояние системы в целом, то наличие положительной обратной связи при прохождении сигналов в структуре подсистемы-системы-надсистемы степень их открытости.

В качестве живого примера хочется привести положение в Омске с созданием так называемых “кондоминиумов” (лат. “condominium” – совместное управление). Реальное воплощение которых имеет очень мало общего с понятиями “самоуправление” и “самоорганизация”, поскольку предполагает скорее делегирование сверху на места дополнительных обязанностей, нежели сколько-нибудь реальных прав.

А теперь попробуем представить себе некое совершенно иное образование, основанное на абсолютно других принципах. Возьмем, скажем, обычный городской микрорайон и

его социальные институты: школу, домоуправление, опорный пункт милиции, магазины и т.д. Также вообразим себе, что у жителей этого микрорайона нежданно-негаданно появилась возможность влиять на работу этих учреждений, а именно:

- создать открытый общественный орган местного самоуправления, который будет корректировать работу муниципальных учреждений, а также представлять интересы жителей во властных структурах;
- утверждать на должность, регулярно заслушивать отчеты и отстранять от работы начальника ЖЭУ, участкового милиционера и даже директора школы;
- утверждать смету расходов ЖЭУ и осуществлять общественный контроль за их расходованием;
- самостоятельно разрешать конфликты в предприятиях торговли и сферы обслуживания, не перепоручая это доброхотам из псевдообщественных потребительских организаций с большими аппетитами и крайне неустойчивыми моральными качествами;
- санкционировать использование помещения школы для организации семейных торжеств, клубов по интересам, занятий спортом и т.д.;
- проводить любую другую общественную работу в пределах своей территории, в соответствии с возникающей в этом потребностью (начиная от содействия в трудоустройстве и заканчивая проведением субботников, да мало ли еще чего...).

Иначе говоря, речь здесь идет о той системе муниципального самоуправления, попытка внедрения которой предпринимается сейчас в Санкт-Петербурге.

Обобщая, попробуем представить себе, как такое структурирование органов местного самоуправления (и заметьте – отнюдь не псевдосовместного, когда права у одного, а обязанности у другого) в перспективе способно снизу изменить всю политическую структуру нашего общества, вплоть до самых верхних этажей власти. Особенно, если те же депутаты разных уровней будут начинать свою карьеру в подобных местных образованиях. И насколько при этом изменяться их профессиональные качества и мера ответственности перед избирателями.

А как начнут функционировать такие фантомы прошлого, как народные дружины, утвержденные площадки для выгула собак и прочие прежде формализованные явления? Уж наверное ничуть не хуже, чем в цивилизованных странах... Вот тогда-то мы и увидим, что такое подлинная деполитизация общества – когда сфера влияния каких бы то ни было элит сузится до предела, а сами они начнут доказывать свою дееспособность конкретными делами, а не абстрактными лозунгами.

Опубликовано:

1. Калужский М.Л. Проблемы общественного самоуправления в свете теории самоорганизации / Опыт решения проблем устойчивого развития регионов России: Материалы межрегион. конференции. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 50-53. – ISBN 5-7779-0078-X.

2. Калужский М.Л. Проблемы общественного самоуправления в свете теории самоорганизации // Городское управление. – 1998. – № 5. – С. 47-49. – ISSN 1992-8009. (Доступна [электронная версия](#)).